

ПРОБЛЕМА ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Кружевникова Анна Андреевна кандидат политических наук, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., 4).
E-mail kruzhevnikova@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье исследованы проблемные вопросы одностороннего отказа от исполнения договора. Рассмотрены примеры существующей судебной практики в данной области. Особо выделен, как актуальное направление для последующих исследований, вопрос допущения и правового регулирования одностороннего отказа от исполнения такой разновидности гражданско-правовых договоров, как наследственный договор. Изучено законодательство ФРГ, регулирующие аналогичные правоотношения. Обосновано, что, с одной стороны, положение закона о свободе одностороннего отказа от наследственного договора во многом снижает ценность всей концепции российского наследственного договора, особенно для его участников – наследников. С другой стороны, последние предупреждены законодателем о том, что наследодатель ничем не стеснен в своих действиях и может действовать не вполне для их субъективной оценки добросовестно.

Ключевые слова: договор, односторонний отказ, кодекс, закон, поставка, наследственный договор, защита права, суд.

Обладая системными свойствами, механизмы (модели) защиты гражданских прав охватывают множество компонентов, правил, правовых явлений, основными среди которых являются официально установленный порядок (процедура), средства и способы осуществления и защиты нарушенного (оспариваемого) права. Воздействуя на данный вид правоотношений, порядок реализуется в предусмотренных ст. 11 ГК РФ¹ формах, общими среди которых являются судебный и несудебный.

Апеллирование законодателя к гражданскому и (или) административному судебному и (или) несудебному порядку разрешения спора характеризует механизмы защиты гражданских прав как «организационные» и функциональные подсистемы правового регулирования, связанные с компетенцией суда и последовательностью реализации материальных и нематериальных способов защиты, как отдельно, так и совместно (в форме заявления, иска, жалобы).

Механизмы защиты гражданских прав непосредственно связаны с последовательной реализацией средств и способов защиты гражданских прав (правовой активностью субъектов права на защиту как участников гражданского оборота (сторон конфликта)) и способов восстановления нарушенного права (правовой активности суда и иного правоприменительного органа) в частноправовом и публично-правовом порядке.

Как отмечает О.В. Абознова, главной особенностью реализации права на защиту является участие в его осуществлении не только самого уполномоченного субъекта, но и суда [2, с. 400].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Заметим, что судебная практика, в аспекте применения положений ГК РФ по одностороннему отказу от договора, не отличается однообразием, что и порождает отдельно взятые проблемные ситуации, исследованные нами в настоящей статье.

В данной связи интересным представляется дело, рассмотренное Арбитражным судом г. Москвы по исковому заявлению ХХХ к УУУ о взыскании долга по договору управления от 26.04.2013 в размере 2 500 000 долларов США¹.

Как следует из текста решения, между ХХХ (управляющий) и УУУ (владелец) был заключен договор управления Апарта-отелем. В договоре указано, что он может быть расторгнут в одностороннем порядке только в соответствии с положениями договора. Владелец своим правом на односторонний отказ от договора воспользовался, направил управляющему уведомление, однако компенсацию выплатить отказался [5].

В суде сторона ответчика, обосновывая свою позицию, настаивала на том, что любые условия договора о выплате за односторонний отказ от договора являются ничтожными. Они ограничивают право на расторжение, которое закреплено в ст. 782 ГК РФ², а также нарушают право собственности. Однако суд в данном споре встал на сторону истца, указав, что договор, заключенный сторонами, является смешанным (агентский договор и договор на оказание услуг).

Стороны определили особые условия для его досрочного расторжения, что соответствует ст. ст. 421 и 782 ГК РФ.

Истец в силу п. 3 ст. 310 ГК РФ и условий договора вправе требовать выплаты компенсации. Последняя не является неустойкой и не обусловлена обязанностью истца обосновать свои имущественные потери. Срок действия договора – 20 лет. Среднемесячное вознаграждение истца – 392000 долларов.

Таким образом, 2,5 млн долл. представляет собой компенсацию за 6 месяцев работы, что нельзя признать чрезмерным требованием. Доводы же владельца отеля о незаконности условия суд не принял во внимание, поскольку владелец при заключении договора согласился с условием о компенсации за одностороннее расторжение³.

Открытым остается вопрос о том, как квалифицировать плату за отказ от договора.

Анализируя судебную практику, мы пришли к выводам, что позиция Верховного Суда РФ уточняет правовую квалификацию платежа [1]. Верховный Суд РФ объединил три ранее существовавших независимо друг от друга способа квалификации платежа за расторжение договора:

- 1) прямо не предусмотрено законом, но возможность такой выплаты вытекает из принципа свободы договора;
- 2) компенсация убытков другой стороны;
- 3) это способ обеспечения обязательства, непоименованный законом (п. 1 ст. 329 ГК РФ).

Нижестоящие суды в большинстве случаев отождествляют плату за односторонний выход из договора с неустойкой и применяют ст. 333 ГК РФ.

---

¹ Постановление АО Московского округа от 07.02.2018 по делу № А40-81499/2017 // СПС «Консультант Плюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Постановление АО Московского округа от 07.02.2018 по делу № А40-81499/2017 // СПС «Консультант Плюс».

Вышестоящие же суды стремятся исправлять подобные ошибки нижестоящих инстанций. Показательным здесь является дело, рассмотренное Арбитражным судом Западно-Сибирского округа¹.

Так, между ООО (арендодатель) и ККК (арендатор) заключен договор аренды помещений. Согласно п. 5.6 договора в случае досрочного расторжения договора по инициативе одной из сторон, по причинам, не указанным в договоре, вторая сторона уплачивает неустойку в размере шестимесячной арендной платы. Арендатор направил арендодателю уведомление «О расторжении договора в одностороннем порядке» от 09.02.2017.

Ссылаясь на положения п. 5.6 договора, ООО начислил ККК неустойку в размере 636 000 руб. Из расчета шестимесячной арендной платы по 106 000 руб. за 1 месяц и в направленной ККК претензии от 25.04.2017 предложил уплатить указанную сумму. Отсутствие уплаты неустойки послужило ООО основанием для обращения в арбитражный суд. Суд указал, что указанная в п. 5.6 договора неустойка есть не что иное, как компенсация за досрочный выход из договорных отношений одной из сторон².

К аналогичным выводам пришел Тринадцатый арбитражный апелляционный суд по делу № А56-30541/2016³.

Учитывая вышеприведенные примеры судебной практики, можно заключить, что в ней прослеживается стремление судебной практики к пониманию платы за односторонний отказ от исполнения обязательства как не санкции, а определенной сторонами цены за реализацию своего права на выход из договора.

Как следует из приведенных нами примеров, сложность и отсутствие единообразного результата судебных дел обусловлено, в большинстве случаев, условиями договоров, в которых по-разному формулируются последствия одностороннего отказа от их исполнения [4].

В одном случае – это выплата «неустойки», в другом – «штрафа», далее «удержание» и т.п. Представляется, что именно такое разнообразие условий и порождает разные выводы судебных инстанций.

Достаточно интересным для исследования представляется также односторонний отказ от исполнения такой разновидности гражданско-правовых договоров, как наследственный договор. Поскольку соглашения в наследственном праве – это новое явление российской, но не мировой правовой действительности.

Конечно, в системе российского наследственного права уже существует несколько договорных конструкций. Абсолютный характер наследственных правоотношений определил широкое распространение односторонних сделок. Соглашения в наследственном праве связаны главным образом с наследственной массой. Введение наследственного договора расширяет потенциал возможностей наследодателей, которые теперь свободны в выборе способа распоряжения своим имуществом после смерти.

Наследственный договор отличается от других видов договоров, включая дарения, ренты и купли-продажи, что позволяет сделать вывод об уникальности его правовой конструкции в системе наследственного права.

Общее значение введения наследственного договора в юридическую практику для российского наследственного права состоит в попытке урегулирования спорных

---

¹ Постановление АО Западно-Сибирского округа от 26.03.2018 по делу № А27-12718/2017 // СПС «Консультант Плюс».

² Там же.

³ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда по 26/12/2016 по делу № А56-30541/2016 // СПС «Консультант Плюс».

моментов, которые не могли быть упорядочены в рамках существовавших ранее форм наследования – по закону и по завещанию.

Как минимум дающим повод для подозрений в недобросовестном поведении, следует считать закрепленный в законе односторонний отказ наследодателя от наследственного договора. Как известно, ГК РФ не допускает одностороннего отказа от заключения договора (ч. 1 ст. 310), за исключением случаев, одним из которых является наследственный договор, в рамках которого наследодатель вправе «в любое время» (вероятно, при жизни) односторонне отказаться от договора, нотариально уведомив об этом стороны.

Нами не было найдено аналогов данного положения в зарубежных юрисдикциях. Сегодня в России контрагент, уже внесший свои средства за право получения квартиры по смерти наследодателя, в любой момент по произвольной воле последнего может этого права лишиться. При этом планы и затраты участника договора подчинены воле наследодателя, который ничем не связан. Конечно, участник договора защищен тем, что наследодатель по закону возмещает все убытки, возникшие вследствие уже исполненных положений наследственного договора. Формулировка закона не вполне ясна.

Что может означать: «в связи с исполнением»? Вероятно, законодатель предполагал, что это реальный ущерб без учёта упущенной выгоды.

В этой ситуации участник договора возвращает себе уплаченные наследодателю средства (с причитающимися процентами), однако это не будет стоимость наследства (например, недвижимости), которую он мог бы выручить от её реализации по надлежащему исполнению договора. Данный исход сложно считать справедливым, как собственно и саму возможность волюнтаристского отказа наследодателем от договора.

В законодательстве ФРГ (во многом ставшим прототипом российского закона) есть аналогичное положение (ст. 2288 ГГУ). В то же время оно раскрывается двумя последующими статьями, которые направлены на защиту прав наследников, а также отказополучателей по договору. Законодательство ФРГ предусматривает при определенных условиях, что имущество может быть возвращено либо выплачена компенсация (статьи 2287-2288 ГГУ). ГК РФ этого не предусматривает, а без защиты участника наследственного договора его конструкция представляется слабой в сравнении с классическими договорными конструкциями, построенными на равной обязательности сторон [3].

В рамках доктринального анализа можно предположить соответствие степени ограничения свободы наследодателя в распоряжении указанным в договоре имуществом, общим принципом добросовестности. В частности, наследственное право ФРГ обязывает наследодателя учитывать интересы участников наследственного договора.

В российском законе безусловное право отказа наследодателя фактически выводит его из-под действия указанного принципа, ослабляя привлекательность наследственного договора как формы развития наследственных отношений для возможных участников. Кто будет заключать договор, зная о том, что контрагент свободен в распоряжении обещанным ему по договору имуществом? В данном случае легко просчитывается ситуация, при которой наследодатель, свободно оперируя имуществом, может на вполне законных основаниях, пообещать, но не оставить участнику ничего, что не выглядит добросовестным поведением.

С одной стороны, положение закона о свободе одностороннего отказа от наследственного договора во многом снижает ценность всей концепции российского наследственного договора, особенно для его участников – наследников.

С другой стороны, последние предупреждены законодателем о том, что наследодатель ничем не стеснен в своих действиях и может действовать не вполне для их субъективной оценки добросовестно. Зная (или дополнительно изучив) личные, экономические и иные мотивы наследодателя, его поведение, участники договора оценивают для себя необходимость (выгоду) заключения такого высоко рискованного договора, вступив в который они имеют перспективу, но не гарантии.

Этот «сценарий» сближает наследственный договор с высоко рискованными коммерческими договорами.

Формально добросовестное поведение защищено законом, а недобросовестность в наследственных договорных отношениях может привести к расторжению наследственного договора. В силу ещё не сложившейся, минимальной судебной практики в настоящий момент этот аспект оценить сложно.

Подводя итог вышесказанному, полагаем уместным сделать следующие выводы:

1) в наследственных договорных отношениях для выявления недобросовестности может применяться традиционная формула: «знал либо должен был знать», которую следует соотнести с близкой охранительной категорией права – «виновностью». Допустимо предположить, что, если вина – одно из условий гражданско-правовой ответственности, то и «недобросовестность» следует отнести сюда же;

2) специфика наследственного договора состоит в существенно большей свободе наследодателя, который вправе в любой момент односторонне (нотариально) отказаться от заключенного им договора, лишь уведомив его стороны. Теоретически сложившееся положение может быть объяснено признанием презумпции воли наследодателя в отечественном и континентальном наследственном праве, которая в современной России производна от конституционного принципа свободы распоряжения частной собственностью. Эта свобода признается одним из базовых элементов цивилистической концепции автономии воли (п. 2 ст. 1 и п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Кроме того, наследодатель фактически не связан положениями договора, имея право (ч. 1 ст. 1040.1 ГК РФ) совершать любые сделки в отношении со своим имуществом и распоряжаться им как угодно, даже если это лишает лицо, потенциально призываемое к наследованию, прав на данное имущество;

3) единственной обязанностью наследодателя при отказе от договора остается возмещение прочим сторонам тех убытков, которые они уже понесли к моменту отказа, исполняя данный договор.

Литература

1. *Позднышева Е.В.* Расторжение и изменение гражданско-правового договора: монография. М.: ИЗиСП, 2018. 232 с.
2. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / *О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Ю.С. Колясникова и др.*; отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 480 с.
3. *Стригунова Д.П.* Пределы судейского усмотрения в коллизионном регулировании международных коммерческих договоров // *Право и экономика*. 2018. № 3. С. 5 – 8.
4. *Шиткина И.С., Филиппова С.Ю.* Реализация принципа свободы договора при формировании условий договора купли-продажи акций // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 4. С. 3 – 12.
5. *Шнигер Д.О.* Определение сроков исполнения договорных обязательств через указание на действие или событие: проблемы и решения // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2017. № 4. С. 57 – 64.

Kruzhevnikova Anna Andreevna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Planning and Transport, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (4, 2-ya Krasnoarmeiskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation).

E-mail: kruzhevnikova@gmail.com

**THE PROBLEM OF UNILATERAL REFUSAL
TO EXECUTE A CIVIL CONTRACT**

Abstract

This article examines the problematic issues of unilateral refusal to perform the contract. Examples of existing judicial practice in this area are considered. The issue of assumptions and legal regulation of unilateral refusal to perform such a variety of civil law contracts as an inheritance contract is particularly highlighted as an actual direction for subsequent research. Germany regulating similar legal relations has been studied. It is proved freedom of unilateral refusal of the inheritance contract largely reduces the value of the entire concept of the Russian inheritance contract, especially for its participants-heirs. On the other hand, the latter are warned by the legislator that the testator is not constrained in any way in his actions and may not act in good faith for their subjective assessment.

Keywords: contract, unilateral refusal, code, law, delivery, inheritance contract, protection of law, court.

References

1. Pozdnysheva E.V. Rastorzhenie i izmenenie grazhdansko-pravovogo dogovora: monografiya. M.: IZiSP, 2018. 232 p.
2. Praktika primeneniya Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / O.V. Aboznova, N.G. Belyaeva, Yu.S. Kolyasnikova i dr.; otv. red. I.V. Reshetnikova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Yurayt, 2018. 480 p.
3. Strigunova D.P. Predely sudeyskogo usmotreniya v kollizionnom regulirovanii mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov // Pravo i ekonomika. 2018. № 3. P. 5 – 8.
4. Shitkina I.S., Filippova S.Yu. Realizatsiya printsipa svobody dogovora pri formirovanii usloviy dogovora kupli-prodazhi aktsiy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 4. P. 3 – 12.
5. Shniger D.O. Opredelenie srokov ispolneniya dogovornykh obyazatel'stv cherez ukazanie na deystvie ili sobytie: problemy i resheniya // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. 2017. № 4. P. 57 – 64.